

Демократия в глобальном контексте

Демократия как термин, обозначающий определенную политическую практику - способ организации власти, существует не менее двух с половиной тысячелетий. Сама эта практика (а также термин), получив начало в древнегреческих полисах и вместе с их закатом исчезнувшая, вернулась лишь в конце XVIII в. Североамериканские колонии Великобритании создали союзное государство, которому суждено было представить первый опыт народоправия в эпоху Модерна.

Правда стоит отметить, что сами отцы-основатели США не имели ни намерения, ни цели создавать именно «демократию». В соответствии с интеллектуальной модой эпохи, которую, разумеется, задавали французы, и в согласии с древнегреческим взглядом на демократию как одну из худших форм правления,¹ они на римский манер заботились о создании «республики». А республикой, согласно классификации Монтескье, являлась любая форма правления, отличная от монархии. То есть - демократия либо аристократия. И все три эти формы противостоят деспотизму как незаконному правлению.

Что, собственно создали бывшие британские колонисты, окончательно (даже для них самих) прояснил еще один француз - Алексис де Токвиль. Именно он, посланный французским правительством в 1830 году в Америку для изучения устройства тамошней пенитенциарной системы, «открыл», что на самом деле Америка это - «демократия». Просто потому, что в ней никогда не было той аристократии, на которой держался весь европейский *ancien régime*. Заодно прозорливый француз как бы походя предсказал неизбежность глобальной конфронтации в будущем двух сверхдержав - США и России².

Об истории «без конца»

Единственное, чего де Токвиль не предсказал, так это исхода конфронтации. Однако вся логика его исследования американской демократии, как и последующих работ, говорила в пользу того, что глобальная победа «демократии» неизбежна. А коль скоро «Америка» и «демократия» это практически синонимы, то и финальный прогноз, от которого сам Токвиль как настоящий ученый (и действующий политик - член парламента) предпочел воздержаться, восстановить не трудно.

По существу же это означало именно то, что Френсис Фукуяма в 1989 г. назвал «концом истории». Демократия последовательно одолела всех своих оппонентов: в начале XX века - монархию, в середине века - фашизм, а в конце - коммунизм. Фукуяма писал свой текст за несколько месяцев до падения Берлинской стены и за два года до московского августовского путча, ставшего началом конца СССР. Но говорил о глобальной победе демократии как о деле фактически решенном. И был прав. А потому и провозгласил «конец истории» в одном конкретном смысле.

Этот смысл касается противостояния «демократии» как формы народовластия, предполагающей «выбор» (периодические выборы людей во власть и равная доступность всех властных должностей), всем остальным, такового выбора не предполагающим. Иными словами речь шла о противостоянии «свободы» всем формам предопределенности, решенности «раз и навсегда», т.е. фактически «несвободы» под любым предлогом. Выражаясь в терминах И.Берлина, речь шла о противостоянии негативной «свободы от»

¹ И Платон, и Аристотель отводили демократии одно из последних мест в классификации наиболее предпочтительных форм правления.

² «В настоящее время в мире существует два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англоамериканцы (...) У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира». - Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992, с.296.

любимым возможным формам позитивной «свободы для»³. И, соответственно, о победе этой чисто негативной «свободы от» как бы «в мировом масштабе». Говоря совсем определенно - о полной и окончательной победе «либеральной демократии»⁴.

Фукуяму как американца понять можно. Он с помощью Гегеля и русского гегельянца Александра Кожевникова (ставшего французским философом Александром Кожевным) построил объяснительную конструкцию торжества «свободы» над «коммунизмом» как своим последним *историческим* соперником. После самокапитуляции «коммунистического лагеря» никаких иных исторических соперников *логически* не предполагалось. История как бы исчерпала все анти-демократические альтернативы, и человечеству оставалось дружно двинуться по пути демократии.

Но Фукуяма, объявив этот эндшпиль принципиально (идеологически) неинтересным, ошибся именно как американец, для которого никакой иной демократии, кроме *либеральной* нет и быть не может. А между тем, в самом «демократическом проекте» Модерна исторически были заложены, по крайней мере, три различных варианта его реализации. И эти варианты требовали, прежде всего, логического просчета - анализа различных типов свободы в зависимости от того, кого мы определяем в качестве ее субъекта. Именно тут у Фукуямы, несмотря на неплохой философский background его знаменитой статьи, выявился очевидный дефицит.

Впрочем, не исключено, что именно Гегель с его формулой мирового прогресса «Свободен один (Восток) - свободны некоторые (Греко-римская античность) - свободны все (Германо-Христианский мир)» оказал Фукуяме «медвежью услугу». Запустив прогресс развития свободы «от одного ко всем», он как бы снял (не в смысле гегелевского же «снятия» - *Aufgeben*) вопрос о соприсутствии всех трех диахронически выявленных ее моментов в синхронии Модерна. В своей «идеальной» (как раз в смысле «конца истории») политической модели - конституционной монархии - Гегель, разумеется, их все совместил⁵. Но никакого отношения это к собственно «демократии» не имело. Или, точнее, если и имело, то лишь как способ ее полной дисквалификации в качестве логически обоснованного политического порядка.

Это ли обстоятельство, или что-либо иное, но факт остается фактом: Фукуяма положил «конец» истории в том месте, где она получает новый импульс. Ибо при исторической дискредитации анти-демократических (можно мягче - не-демократических) соперников, в самой демократической логике и, соответственно, ее исторической практике неизбежно активизируются еще как минимум две опции. Речь идет о том, что коль скоро имеется демократия *либеральная*, то в соответствии с базовой идеологической структурой Модерна⁶, должны быть актуализированы демократия *социальная* и демократия *консервативная*. И речь идет именно о глобальной конкуренции этих трех демократических проектов, а не о частных партийно-идеологических констелляциях в той или иной стране.

³ Подробнее см.: Л.В.Поляков. О понимании свободы. Перечитывая Исайю Берлина.// Полития, 2009, №1, сс. 78-91.

⁴ «То, чему мы, вероятно, свидетели, - не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» - Фукуяма Френсис. Конец истории?// Философия истории. Антология. М., 1995, с.291.

⁵ «Эти формы, которые, таким образом, принадлежат различным целостностям, в конституционной монархии низведены до моментов; монарх - один; в правительственной власти выступает несколько человек, а в законодательной власти - вообще множество» - Г.В.Ф.Гегель. Философия права. М., 1990, с.312.

⁶ Детальнее об этом см.: Л.В.Поляков. Мораль и политика: идеологический крест «Современности как структура ответа.// Проблемы и суждения: голоса российской политологии. М., 2004, сс.66-72.

О субъектности свободы

Ошибка Фукуямы объяснима еще и с той точки зрения, что и философски, и на уровне common sense «свобода» понимается как атрибут единственного в мире существа - человека. Николая Бердяева, поставившего «свободу» онтологически раньше «Бога» и, таким образом, постулировавшего ее принципиальную безсубъектность, можно рассматривать как то самое исключение, которое лишь подтверждает правило. Собственно отсюда и вырастает убежденность в том, что либеральная демократия как демократия свободы по определению безальтернативна. О чьей же свободе может еще идти речь, кроме индивида? Человек - ее единственный и исключительный субъект, а потому «права и свободы человека» образуют внутреннее содержание «демократии» как некоей универсальной шумпетерианской процедуры.

Дело, однако, в том, что историческая практика и прошлого, и настоящего неотвратимо свидетельствует о том, что свобода - и при том в своем аутентично либеральном смысле, как *негативная* свобода - вполне может быть атрибутирована и неким коллективным «индивидам». Например, в европейской средневековой и позднейшей истории известны примеры наделения «привилегиями», т.е. в точном английском смысле слова - «свободами от» как отдельных профессиональных и социальных групп (сословий), так и политико-административных единиц (например, городов).

А Модерн, хотя и начался с отрицания свободы как «привилегии» и утверждения равных прав каждого «человека», самой логикой своей развития поставил вопрос о правах, а тем самым - о свободе, таких коллективных целостностей («коллективных индивидов») как социальная группа (класс) и нация («народ», объединенный в государство).

Соответственно и «демократический проект» Модерна, стартовавший как содержательно либеральный в смысле конечной ориентации на врожденность и неотчуждаемость «прав человека», неизбежно начал «троиться». Сначала в качестве оппонента и конкурента появилась демократия социалистов, к концу XIX века сумевшая превратиться в часть европейского политического истеблишмента в виде «социал-демократии». А в середине века XX окончательно легитимизировался проект демократии консервативной (британские тори и различные континентальные «народные» либо «христианско-демократические» партии).

Именно этих имманентных конкурентов «либеральной демократии» игнорировал Фукуяма в своем «окончательном решении» судьбы исторического процесса. А именно эти конкуренты и заявили о себе, коль скоро либеральная демократия в своем североамериканском воплощении попыталась историю действительно закончить. И здесь уже недостаточно указания на то, что современные западные «социалисты» (социал-демократы и вообще - «левые»), а также и «консерваторы» (и вообще - «правые») принимают «права человека» в качестве фундаментальной и, следовательно - *общедемократической* ценности. Этот ценностный консенсус, претендуя на базисность, на самом деле оказывается поверхностным. Он маскирует глубинное расхождение в системе приоритетов и иерархических взаимосвязей, образуемой тремя ключевыми категориями, так сказать, «тремя китами» политического проекта Модерна - «свободой», «справедливостью» и «порядком».

Исходя из каждой категории, мы можем попытаться реконструировать иерархическое строение и ценностные приоритеты каждого из основных демократических проектов Модерна. И, тем самым, выявить возможность продолжения принципиально содержательной, то есть по-прежнему остроконкурентной истории.

После «конца истории»

Исторически и логически (поскольку «либерализация» есть простое отрицание, перемена знака) первый демократический проект - это именно либеральный. Объединение демократизма и либерализма в нем происходит следующим образом.

Либеральная демократия - это народоправие, поскольку власть передается от одного - всем⁷. Либеральность этого народоправия выражается в том, что каждый защищен от угнетающей власти всех остальных посредством изначальной фиксации (в американской конституции - билль о правах) индивидуальных прав и свобод каждого.

Абсолютная ценность для этого демократического проекта - **свобода**. Устанавливаемый на основе этой ценности порядок нацелен, прежде всего, на ее защиту, и конечная справедливость в обществе возникает именно как эффективная возможность каждого отстоять свои индивидуальные права. Справедливость здесь выступает как судебно-юридическая процедура, как justice - торжество закона. Формула справедливости здесь такова: равенство прав дает неравенство результатов.

Социальная демократия - фактически ровесник демократии либеральной, поскольку одновременно с «освобождением» от пут ancient regime возникает вопрос о том, кто, чем и на каких основаниях будет владеть при «новом режиме». Особенно актуален этот вопрос для сословий и социальных групп, которые не принадлежат к «средним», то есть - «имущим». Поэтому это такая форма народоправия, которая исходит из приоритета справедливости в отношениях всех социальных групп (классов), в особенности - в отношении групп, признаваемых дискриминируемыми и эксплуатируемыми.

Абсолютная ценность для этого демократического проекта - **справедливость**. Устанавливаемый на основе этой ценности порядок нацелен на ограничение (регуляцию) свободы индивидов, а также некоторых социальных групп и классов (прежде всего в экономической сфере). Формула справедливости здесь такова: равенство прав должно давать равенство результатов.

Проект *консервативной демократии* - более поздний продукт Модерна. И не только потому, что аристократизм как наследник и «пережиток» прежней эпохи должен был получить историческое время для примирения с той «демократической действительностью», о неизбежности прихода которой говорил аристократ Токвиль⁸. Конфликт либерального и социального демократических проектов, вызывавший революционные потрясения в течение всего XIX и, особенно, в начале XX столетий, стимулировал достаточно оригинальное самоопределение консервативной демократии.

Консервативная демократия - форма народоправия, которая исходит из приоритета общего блага, а это - порядок как гарантия безопасности. Эта демократия ориентирована на достижения блага общества в целом, а не отдельных групп и индивидов. Справедливость для групп возникает как следствие первоочередного обеспечения порядка, основанного, предпочтительно, на естественно-исторически возникших институтах, т.е. анонимного. И смысл этого порядка в том, чтобы обеспечить каждому изначально неравному по отношению ко всем остальным человеку возможность свободно самореализовываться в институционально оформленных социальных ролях. Найти себя не в «освобождении» от существующего порядка, который либерал рассматривает как сковывающий свободу, а социалист - как несправедливый. А в жизни и деятельности в соответствии со своим природным даром и предназначением.

⁷ Предельный вариант этой передачи разработан Ж.-Ж.Руссо в трактате «Об общественном договоре», особенно в учении о неделимости и непредставимости суверенитета народа.

⁸ «В сумеречном будущем уже сегодня можно открыть три очевидные истины. Первая из них состоит в том, что все наши современники влекомы неведомой силой, действие которой можно как-то урегулировать или замедлить, но не победить, и которая то слегка подталкивает людей, то со всей мощью влечет их к разрушению аристократии». - Алексис де Токвиль. Старый порядок и революция. М., 1997, с.7.

Абсолютная ценность консервативно-демократического проекта - **порядок**. А формула справедливости здесь такова: неравные права - равный результат.

История не «кончилась» вопреки прогнозу Фукуямы по, в общем-то, давно известной причине. Дело в том, что в борьбе против общего врага довольно часто (и в основном - вынужденно) объединяются те, кто готов забыть о серьезных разногласиях между собой ради общей победы. Но когда победа достигнута, победители и прежние союзники неизбежно столкнутся. История превращения «союзников» по антигитлеровской коалиции чуть ли не на следующий день после победы в непримиримых врагов (история того, что обычно именуется «холодной войной») - один из самых ярких примеров.

И после краха СССР произошло то же самое. Сегодня социалистический и консервативный демократические проекты, как бы освобожденные от обязательств «союзнчества» перед «либеральной демократией», постепенно начинают все основательнее заявлять свои права в качестве содержательных альтернатив продолжающейся истории. Почему же для этого потребовалась ждать почти двадцать лет?

«Постисторическая» интермедия

Дело в том, что неожиданное для всех⁹ исчезновение СССР произвело весьма неожиданный же эффект в «стане победителей». К тому, что страшный враг - «империя зла» - почти мгновенно исчезнет, на Западе никто не был готов. Внезапно достигнутая цель спутала все геостратегические «карты».

Биполярный пост-ялтинский мир был удобен для обеих сверхдержав в том отношении, что зеркально отраженный «образ врага» предельно упрощал организацию «порядка» на соответствующих «вверенных территориях». По обе стороны Берлинской стены жили под одним и тем же лозунгом: «Все для фронта, все - для победы!» И готовы были длить этот состояние вечно практически по знаменитой формуле Эдуарда Бернштейна: «Движение - все, конечная цель - ничто».

С саморазрушением одного из «полюсов» этого комфортно-разделенного мира и стартовала так называемая «глобализация» - объединение всего мира на основе либерально-демократического проекта. Роль оставшегося «полюса» а потому и естественного «лидера» глобализации взяли на себя США, предложив остальным союзникам по «демократии» заманчивую и прибыльную работу по «нормализации» бывшего «социалистического лагеря» вообще и постсоветского пространства в частности. Победителям символической «холодной войны» полагались вполне несимволические трофеи.

Собственно первое десятилетие после «конца истории» (последняя декада XX века) и ушло у «демократической коалиции» на то, чтобы совместно (хотя и в собственных интересах) поделить зоны влияния, а так же сколько-нибудь прибыльную собственность в бывших «соцстранах» и трех бывших республиках советской Прибалтики. В ходе этого дележа, однако, возникли первые «трения» и «напряжения», которые в дальнейшем (и вкупе с другими осложнениями) приведут к тому, что безапелляционное вроде бы лидерство либерально-демократического проекта окажется оспариваемым изнутри самой же «демократии».

Речь, конечно, идет о том, как американцами была сконструирована так называемая «новая Европа» как плацдарм своего влияния и когда нужно - противовес Европе «старой», то есть Западной. З.Бжезинский назвал это созданием «демократического

⁹ Единственное исключение - А.И.Солженицын, который еще в июле 1990 г. опубликовал (а писал и того раньше) знаменитую брошюру «Как нам обустроить Россию?», в которой представил проект политической организации России после краха «коммунистической империи».

плацдарма» для последующей «нормализации» Евразии в целом¹⁰. Однако сами «старые» европейцы (французы и немцы в первую очередь) восприняли это как очередную демонстрацию излюбленных американцами power games. Быть простым «трамплином» для американского «демократического прыжка» в Евразию им как-то не захотелось. И они нашли способ ограничить влияние «новых» в Евросоюзе в виде знаменитой формулы 65-55.

Выдыхающееся лидерство американской «либеральной демократии» в начале второго «постисторического» десятилетия (первая декада XXI века) удалось реанимировать с помощью самого радикального средства - войны. Цифровой код 9/11 (американцы сначала указывают порядковый номер месяца, а потом число) открыл двери в новую эпоху, в которой наконец-то был обретен новый враг - «международный терроризм». Президент Буш-младший сообщил всему миру о том, что отныне America at war и что, следовательно, все внутренние разногласия между «демократами» должны быть отложены «на потом».

Однако самовольное (без санкции Совбеза ООН) вторжение в Ирак в 2003 г. войск «коалиции», т.е. главным образом США и Великобритании, не получило поддержки со стороны Франции, Германии и даже России. У которой к тому же вскоре появились дополнительные вопросы к методам либерально-демократической «нормализации» постсоветского пространства после «революции роз» в Грузии и «помаранчевой революции» в Украине.

Таким образом накапливалось достаточно много свидетельств того, что история отнюдь не кончилась даже помимо выдвинутой в 1993 г. С.Хантингтоном гипотезы о продолжении истории как «столкновении цивилизаций». И все они делали все более сомнительным и проблематичным формат либерально-демократической глобализации по-американски.

Глобальные парадоксы либеральной демократии

Сами американцы занимаются (уже полвека) решением одной непростой «задачки»: является ли «модернизация» - «вестернизацией» или нет?¹¹ И занимаются они этим (возможно даже неосознанно) потому, что такая постановка главной проблемы «текущего момента» позволяет уходить от вопроса гораздо более неприятного: является ли «глобализация» на самом деле - «американизацией»?

В последнее время и, особенно с учетом причин происхождения мирового финансового, а затем и общеэкономического кризиса, у многих складывается впечатление, что на этот вопрос следует отвечать положительно. Но оценка самого этого факта многими же оказывается скорее отрицательной. И вот почему.

Во-первых, американский проект глобальной демократической либерализации вызывает вопросы относительно, выражаясь булгаковским языком, его «степени свежести». Дело в том, что в культурно-политической и даже социально-экономической практике самих Соединенных Штатов собственно «либерализм» (не в смысле синонима идеологической позиции Демократической партии) с его упором на индивида и его

¹⁰ «Следовательно, главная геостратегическая цель Америки в Европе может быть сформулирована весьма просто: путем более искреннего трансатлантического партнерства укреплять американский плацдарм на Евразийском континенте, с тем чтобы растущая Европа могла стать еще более реальным трамплином для продвижения в Евразию международного демократического порядка и сотрудничества». - З.Бжезинский. Великая шахматная доска. М., 2005. Оригинал книги под откровенным названием "The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives" вышел в 1997 г.

¹¹ Возражая С.Хантингтону, считавшему «модернизацию» и «вестернизацию» совершенно разными явлениями, Фарид Закария пишет: «Запад доминировал так долго и распространился так далеко, что, в общем-то, непонятно, в чем же будет заключаться разница между модернизацией и вестернизацией». - См.: Фарид Закария. Постамериканский мир будущего. М., 2009, с. 95.

неотчуждаемые права уже лет как тридцать вытеснен мультикультурализмом. Вовсе не отдельный человек в сегодняшних Штатах - субъект эффективной политической свободы, а, прежде всего и главным образом - та или иная социокультурная группа (этническая, расовая, религиозная, профессиональная, гендерная, сексуальная и пр.).

Возмущающая весь остальной мир (кроме самих США) «политическая корректность» - в реальности есть вопиющее посягательство на одну из фундаментальных американских свобод - свободу слова и прессы, провозглашенную в первой поправке к Конституции США. Но в интересах поддержания внутренней стабильности в общество внедряется и поддерживается идеология политически правильного языка, суть которого в том, чтобы даже словесно не дискриминировать инокультурные «меньшинства». Не дай Бог объявить кого-либо «отсталым», «неправильным», несоответствующим чьим-либо стандартам!

Парадокс же заключается в том, что США как нация не то, что не стеснясь, а, наоборот, proudly - предлагают остальному миру некие вечные и универсальные стандарты организации политики, экономики и жизни в целом, являющиеся, разумеется, всего лишь стандартами западной, либерально-демократической и в особенности - американской - цивилизации. И это поистине кричащее противоречие между внутренним американским постмодерновым мультикультурализмом и глобальным экспортом «либерализма» образца раннего Модерна становится все заметнее.

А от явной логической нестыковки и легитимность американских экспериментов с насаждением либеральной демократии хоть военной интервенцией (Афганистан, Ирак), хоть «революцией через выборы» (Сербия, Грузия, Украина, Киргизия) непозволительно для такого проекта низка. И продолжает падать - даже в самих США. Что неизбежно противопоставляет США всему остальному миру, условному «не-Западу».

Второй парадокс либерально-демократической нормализации по-американски возникает в результате упорного стремления США посредством своих «новоевропейских» сателлитов оформить итоги как бы выигранной «холодной войны» по модели 1945 г. То есть легально провести «декоммунизацию» так, как они проводили «денацификацию» разгромленной в реальной войне и оккупированной Германии.

Резолюции Европарламента и Парламентской Ассамблеи ОБСЕ 2008-2009 гг. относительно 23 августа как дня поминовения жертв «тоталитарных режимов», инициированные представителями Восточной Европы и Прибалтики и уравнивающие «нацизм» и «сталинизм» - самый свежий и самый наглядный образец этой стратегии. Но такая лобовая антикоммунистическая «нормализация» неизбежно наталкивается на сопротивление всех европейских «левых». И стимулирует актуализацию социал-демократического проекта как все более серьезного глобального конкурента «либеральной демократии».

Третий парадокс демократической нормализации по-американски возникает в случае России, но имеет несомненно глобальные последствия. Суть в том, что все дообамовские американские администрации рассматривали Россию как лузера «холодной войны». То есть как побежденного в прямом смысле слова. Но на самом деле реальность такова: «холодную войну» проиграл СССР, а не Россия. То есть можно сказать, что «победители» вроде бы есть, а «побежденных» - нет.

Из этого позиционирования неизбежно возникает неадекватность взаимоотношений. «Победители» хоть и не грубо, но постоянно намекали нам, что в соответствии с нашим статусом «побежденных» и, так сказать, «по итогам» мы должны себя вести так-то и так-то. Однако никто в России (даже, как ни странно, наши «коммунисты»!) себя «побежденным» чувствовать не спешил. И чем больше нас «приводили в чувство», тем меньше нам хотелось либеральной демократии по-американски. В конце концов, с «нормализаторами евразийского пространства» пришлось объясняться концептуально.

Консервативный постмодернизм «суверенной демократии».

То, что концепт «суверенная демократия» вошел в российский и глобальный политический обиход в 2005 году - вполне закономерно. С одной стороны, Россия за первый путинский президентский срок самостоятельно осуществила демократическую нормализацию. С другой - продолжение общения в формате «победители - побежденные», установленном американскими либеральными «нормализаторами», предполагало постоянное вменение нашей политической системе какой-нибудь «ненормальности». И, соответственно, такой иерархизации однополюсного глобального миропорядка, которая закрепляла бы за Россией статус нерадивого и заслуженно подвергаемого дисциплинарным мерам «ученика» в «школе глобальной демократии».

Термин, предложенный Романо Проди в 2004 году для сущностной характеристики Европейского Союза, пригодился для обозначения нового формата как наших отношений с США (Западом в целом), так и альтернативного проекта глобализации. Естественно, что наполнился он и новым смыслом¹². Непривычное сочетание в одном определении очевидно разноплоскостных понятий «демократия» и «суверенитет», отражающих, соответственно, способ внутреннего политического устройства и принцип устройства внешнеполитического, удивительно точно передает непривычность и новизну глобального контекста. Невозможное и бессмысленное в прошлом, до-глобальном мире, словосочетание «суверенная демократия» оказывается аутентичным способом репрезентации как самого феномена глобальности, так и его ключевого - концептуального противоречия.

А порождается оно самим либеральным проектом глобальной демократизации следующим образом. Коль скоро «атомом» глобальности в этом проекте признается «индивид» с его свободой, а высшей ценностью - «права человека», то сам процесс глобализации в конечном итоге должен привести к устранению всего того, что так или иначе ограничивает индивидуальную «свободу» и мешает полной реализации «прав». А такой помехой и ограничителем выступает, прежде всего, и в первую очередь - «народ», организованный в государство.

Именно на «нейтрализацию» национального государства как такового и ориентирован нынешний формат глобализации. А это значит, что его успешное осуществление сделает бессмысленным само понятие «демократия». Ибо о власти какого «народа» можно будет всерьез говорить в глобальном мире, состоящем из атомизированных индивидов? В таком «глобальном человекике»¹³ или «обществе 20 : 80»¹⁴ исчезает всякое представление о «народе-суверене», и наступает эра господства «золотого миллиарда» - своего рода «избранных», но никем не «выбранных».

Именно на предотвращение «самоубийства» демократии в формате либеральной глобализации и нацелен консервативный по своей сути и постмодернистский по своей функции проект «суверенной демократии». В ситуации, когда США как воплощение постмодерна, пытаются отформатировать весь мир в парадигме раннего Модерна, Россия предлагает, так сказать, согласовать «предложение» и «спрос». Уж если сами американцы выбирают тотально толерантный мультикультурализм всеобщих равенств как способ внутреннего обустройства собственной «демократии», то почему же весь остальной мир (не-Западный, разумеется) должен, демократизируясь, принять модель однополюсной глобально-либеральной иерархии?!

¹² См.: Владислав Сурков. Национализация будущего. Параграфы PRO суверенную демократию.// Владислав Сурков. Тексты 97 - 07. М., 2008, сс.43-57. Дискуссию относительно термина и концепции см.: PRO суверенную демократию. Сборник./ Сост. Л.В.Поляков. М., 2007. О содержательной истории термина см.: Л.В.Поляков. «Суверенная демократия»: политический факт как теоретическая предметность.// Общественные науки и современность, 2007, №2.

¹³ Термин выдающегося русского философа А.А.Зиновьева.

¹⁴ Смысл термина и социал-демократическую критику проекта либеральной глобализации см.: Г.-П.Мартин, Х.Шуман. Западная глобализации. Атака на процветание и демократию. М., 2001, с. 20 и далее.

Или, спрашивая напрямик: неужели разрушение Берлинской стены имело своей целью «всего лишь» установление глобального господства Wall Street?¹⁵

Российская демократическая альтернатива.

Остроту противостояния между либеральным (американским) и двумя другими проектами глобальной демократизации не стоит ни преувеличивать, ни преуменьшать. С одной стороны - все за «демократию». Но с другой стороны, все как бы и за плюрализм «демократий», то есть иными словами - за суверенное право каждого народа иметь свои собственные институты народовластия. За одним, однако, исключением.

Долгое время Запад смотрел (эта инерция не преодолена и сегодня) на Россию как на первичный и преимущественный «объект демократизации». Глобальное позиционирование нашей страны как носительницы «векового рабства», из которого неминуемо должен был произрасти «тоталитаризм» - самый популярный стереотип как западных mass media, так и научных работ. Зерно, брошенное Токвилем в позапрошлом веке, и «пророченное» Ричардом Пайпсом¹⁶ в веке прошлом, дало в веке нынешнем закономерный плод.

Один из немногих экономистов - исследователей СССР и России Стивен Роузфельд ничего не стесняясь так прямо и написал: «В наших общих интересах видеть, как Россия избавляется от «структурной милитаризации» в пользу «оптимальной» стратегии безопасности и вводит «экономическую свободу» вместо системы авторитарного экономического суверенитета и привилегий, установленной Борисом Ельциным и рационализированной Владимиром Путиным. Эта книга создает аналитическое основание для такой инициативы, объясняя, почему Россия втянется в трясину в советском стиле, если структурно не демилитаризуется и не вестернизирует свою политическую экономию. Недостаточно дать совет совершенствоваться и Путину произнести: «Аминь!» *Медведь должен быть генетически перекодирован* (курсив мой - Л.П.).¹⁷

Понятно, что после даты 08.08.08 такие пожелания генетической перекодировки «Русского Медведя» на научно-аналитической основе получили дополнительный импульс. И это, безусловно, затрудняет нам продвижение той глобальной демократической альтернативы, которая содержится в концепции «суверенной демократии» и развивающей ее формуле президента Медведева - «всякая демократия абсолютно исторична и абсолютно национальна».

Но у этой альтернативы есть одна, безусловно привлекательная сторона, которая не может не действовать как пример, достойный подражания. Катастрофический (в геополитическом смысле) характер исчезновения СССР все еще не дает возможности разглядеть и по достоинству оценить то, что произошло за последние 20 лет в России. А дело в том, что наша страна дает самый новейший и самый уникальный опыт мирного *демократического* преобразования, осуществленный российским народом *самостоятельно*.

Да, обозревая историю последних двух столетий можно, как это сделал С.Хантингтон, вычислять некие «волны демократизации» и причислять нас к «третьей волне». Можно пытаться вписывать наш опыт в некую общую теорию «поставторитарного транзита». Но суть происшедшего в том, что Россия продемонстрировала возможность эндогенной демократизации без потери суверенности.

¹⁵ Всем тем, кто рисует мир глобального будущего в виде господства американо-китайского кондоминиума Chimerica, т.е. союза Wall Street и Великой китайской стены, не стоит забывать и о стене Кремлевской.

¹⁶ «Между 1878 и 1881 гг. в России был заложен юридический и организационный фундамент бюрократическо-полицейского режима с тоталитарными обертонами, который пребывает в целостности и сохранности до сего времени» - Ричард Пайпс. Россия при старом режиме. М., 1993 (книга впервые вышла в свет в 1974 г.).

¹⁷ См. Steven Rosefelde. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005, pp. xiii-xiv.

А это - такой опыт, который непременно окажется востребованным даже и в тех странах, которые сегодня движутся в русле извне управляемой демократизации.

Собственно в этом и состоит суть российской глобальной демократической альтернативы. Ее можно описать как свободный и справедливый миропорядок суверенных национальных государств. Это - своего рода «регулятивная идея», то есть - горизонт целенаправленных действий, а не идеал-утопия, реализация которого невозможна по определению. А если так, то необходимо выявление тех проблем, которые уже сегодня препятствуют продвижению человечества в избранном направлении.

Глобальная демократия: проблемы без решений.

В замысле глобального демократического миропорядка имеется несколько затруднений, которые могут перерасти в трудноразрешимые проблемы при попытке этот миропорядок осуществить. Два из этих затруднений бросаются в глаза в первую очередь.

Это - соотношение внутринациональных демократических процессов (с их неопределенностью в отношении того, какая часть политического спектра окажется правящей) и глобального демократического пространства, в котором каждый субъект репрезентирует свои (как предполагается - неизменные) «национальные интересы».

А так же вопрос о субъекте демократического суверенитета: является ли таковым всегда и во всех без исключения случаях национальное государство или же таким же суверенитетом обладает любое этническое сообщество, компактно проживающее на территории данного национального государства?

Первая проблема особенно остра и очевидна в странах, нарабатывающих демократический опыт на постсоветском пространстве. Феномен не суверенных или извне управляемых демократий (в откровенной и почти карикатурной форме представленный Грузией после 2003 и Украиной после 2004 гг.) может быть объяснен желанием «западных демократий» исключить «неприятные» сюрпризы, связанные с непредсказуемостью результатов действительно свободных парламентских и президентских выборов. Приход к власти пророссийских партий и политиков, либо партий радикально левых (коммунистических) рассматривался (и продолжает рассматриваться) как «недемократический» результат демократических процедур.

Ситуация с парламентскими выборами в Молдове 2009 г., которые сначала вызвали «кишиневский погром», а потом были проведены повторно - яркая иллюстрация тезиса. Даже совершенно прозападные и вполне демократически лояльные молдавские коммунисты все же не устраивали Запад в качестве правящей партии. В результате из-за отсутствия всего одного голоса (!!) при выборах президента парламентом коммунисты были вынуждены пойти на новые выборы и в итоге переместились в оппозицию.

Эта проблема - отнюдь не только и даже не столько результат «незрелости» постсоветских демократий. Да, конечно, демократия в Америке насчитывает два века, в Западной Европе - век, а стаж постсоветских демократий - меньше двух десятилетий. Но дело еще и в том, что в традиционных демократиях Запада существуют институциональные ограничения дестабилизирующей непредсказуемости результатов выборов.

Например, в США это уникальная двухпартийная система (американские же критики именуют ее «дуополией»), где сами партии представляют собой довольно свободные объединения политиков, которые при голосовании в Конгрессе и в Сенате могут свободно распоряжаться своими голосами. И нередко встречаются ситуации, когда консервативная часть «демократов» голосует вместе с «республиканцами», а, напротив, либеральная часть GOP поддерживает законопроекты «демократов». Разумеется, у обеих партий есть свой довольно стойкий «ядерный электорат», но при этом колебания даже не очень значительной электоральной «периферии» могут отдать перевес той или иной партии на выборах. Именно этот своеобразный партийный механизм и обеспечивает при

наличии выборной интриги в конечном счете - стабильность и предсказуемость государственного курса.

Приблизительно так же действует и партийная система в Великобритании при том, что партийная дисциплина там строга и практически исключает возможность свободного голосования. Однако тенденция последних 20 лет такова, что традиционные оппоненты Тору и Labour настолько сдвинулись к политическому центру, что замена одних другими никаких принципиальных изменений в государственных курсах уже внести не сможет. New Labour Тони Блэра и Гордона Брауна - это партия «без комплексов», применяющая те меры, которые признаются целесообразными даже если они идеологически могут быть охарактеризованы как «консервативные» и «правые».

И даже в многопартийных политических системах континентальной Европы (Франция, Германия - например) выборы приводят к лишь к чередованию коалиций, которые реагируют на ситуацию прагматично, а не исключительно в соответствии с некими жесткими идеологическими принципами. А случай коалиционного правительства ХДС/ХСС и СДПГ в ФРГ в 2005-2009 гг. вообще показывает, что разделение на «правых» и «левых» - это скорее дань традиции, нежели политическая реальность, придающая выборам непредсказуемый характер.

Тенденция очевидна: глобальный контекст заставляет традиционные демократии сужать зоны электоральной непредсказуемости и снижать риски прихода к власти таких групп, которые могут посредством политической дестабилизации нанести ущерб национальной экономике. Экономическая конкурентоспособность на глобальных рынках оказывается более приоритетной по отношению к демократической «догме» о необходимости политической конкуренции внутри страны. Отсюда и тот тревожный - с точки зрения классических представлений о демократии - феномен «партийных картелей», который зафиксирован и изучен в последнее двадцатилетие в целом ряде западноевропейских стран.

Вторая проблема демократии в глобальном контексте - это неразрешимая коллизия двух «прав»: права государств на территориальную целостность и, следовательно, на ненарушимый суверенитет и, так называемого, «права наций на самоопределение». В основе коллизии лежит фундаментальная неопределенность относительного того «демоса», который обладает правом властвовать сам над собой. Транслированный в современный и постсовременный мир античный термин оказывается вызывающе нерелевантным.

«Демос» как большинство «бедных и свободных»¹⁸ еще имеет какой-то отголосок в идеологиях левых партий, выступающих за «народ» - в смысле «простой народ». Но никакая апелляция к «демосу» неуместна там, где те или иные компактные этнические либо территориальные (случай Приднестровской Молдавской Республики) меньшинства объявляют себя «суверенным народом» с правом выхода из состава того государства, в котором они находятся. Поэтому - как и в случае с «управляемыми демократиями» - здесь тоже возникают напряжения, имеющие глобальные последствия.

Они связаны с признанием суверенитета de facto территорий, не контролируемых тем или иным государством, в качестве суверенитета de jure. Ситуация с Косово, а затем с Южной Осетией и Абхазией наглядно иллюстрируют суть проблемы. Признание «демократическим» Западом суверенитета части сербской территории Косова и Метохия и отказ признать суверенитет югоосетин и абхазов свидетельствует о том, что дискурс «глобальной демократии» явно уступает в глобальной политике иным приоритетам. Что мир - как и во все прежние времена - поделен на «наших» и «не наших». И что глобализация демократии сама по себе отнюдь не избавляет мировую политику от «двойных стандартов» в признании «демократичности» государств и в наделении суверенитетом так называемых «непризнанных государств».

¹⁸ А именно так и только так понимался «демос» в античном мире.

Помимо этих двух наиболее актуальных и наиболее острых проблем демократической глобализации нужно быть готовыми и к тому, что в «большую игру» вступают отчетливо не-Западные (при этом не обязательно анти-Западные) проекты народовластия. Например, политическая практика современного Китая, обозначенная американским футурологом Джоном Нэсбиттом как «вертикальная демократия» - в отличие от «горизонтальной», т.е. западной. Или иранский эксперимент в виде «исламской республики», то есть «Уммы» как сообщества единоверцев, организующих власть как сложную систему взаимного контроля, ограничений и фактически - «сдержек и противовесов».

Разумеется, возникает закономерный вопрос: не ведет ли включение инокультурных (не-Западных) политических практик в содержательное пространство термина «демократия» к такому его расширению, которое делает сам термин фактически бессодержательным? И отвечая на него, стоит вспомнить не такое уж давнее предостережение Эрнста Геллнера: «Итак, хотя «демократия» имеет отношение к проблемам современного общества, по настоящему важны те институты и тот конкретный социальный контекст, который вызывает ее к жизни. Вне этих институциональных условий смысл «демократии» остается неясным, а сама она недостижимой»¹⁹.

Из этого следует, что если мы удерживаем термин «демократия» для описания глобального миропорядка, то должны признать в качестве его условия глобальный мультикультурализм. Иными словами - не просто тотальную толерантность, а и глобальную политику как постоянное выявление и исправление структурных «угнетений и неравенств», как действие, продиктованное моральным долгом и нравственной потребностью возместить ущерб и восстановить в правах «униженных и оскорбленных» мира сего. Похоже, это будет уже совсем иной мир.

Леонид Поляков
Зав.кафедрой общей политологии
Высшей школы экономики - Государственный университет
Д.ф.н., профессор

¹⁹ Эрнест Геллнер. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995, с. 194.